

Н. Г. ДОБРОДОМОВ (Москва)

К ЭТИМОЛОГИИ МАРИЙСКОГО НАЗВАНИЯ ЛОШАДИ

Марийское общее название лошади стоит особняком среди финно-угорских названий этого домашнего животного. В диалектах марийского языка оно представлено следующими вариантами: марЛ (и лит.) *ймне*, марГ *ймни*, марВ (редко) *имне́*, волжский говор *ымньы*.¹

Ю. Вихман сопоставлял мар. (козьмодемьянский говор) *i·mñi*, (уржумский говор) *i·mñä* с монг. *emñig*², которое имеет, однако, значение, довольно далекое от марийского — 'дикий, неукротенный, необъезженный (о лошади)'

Это сопоставление наталкивается на ряд трудностей: 1) семантическую (можно ли сопоставлять марийское название лошади с прилагательным, имеющим значение 'дикий, необъезженный', которое, правда, обычно относится к лошади?); 2) географическую (можно ли сопоставлять факты столь отдаленных языков, которые никогда не имели тесных контактов, отмеченных исторически?); 3) фонетическую (почему в марийском названии лошади не отражен конечный заднеязычный согласный, представленный в предполагаемом источнике?).

Чтобы преодолеть все эти трудности, целесообразно рассмотреть сферу распространения данного слова в алтайских языках и выявить его этимологию.

Многообразие монгольских форм (бурят. *эмниг* 'дикий, необъезженный (о лошади)', монг. *элмэг*, *элэмэг*, *эмниг*, *эмлэг*, *эмнэг*³, калм. *elməg*, *emnəg*⁴) скорее всего может свидетельствовать о заимствованном характере термина.

В качестве эпитета, прилагаемого к диким, необъезженным лошадям, это слово широко представлено в тюркских языках: барабинское *имнĭ* (В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий I, Санкт-Петербург 1893, стлб. 1577), лебединское, кюэриксское (чулымское) *ймнĭк* (там же, стлб. 962), алтайское, телеутское *ймдĭк* (там же, стлб. 965), в языке черневых татар *н'ймдĭк* (там же, III 1905, стлб. 631), с протетическим *н'* и отсылкой к форме *ймдĭк*, которая, однако, на своем месте отсутствует. Б. И. Вербицкий отмечает формы: телеутское *емдек*, нижнебийское *емдĭк*, верхнекондомское *емнек* (Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань 1884). У С. Е. Малова отмечено: *емдык*, *ймдык* (С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров, Алма-Ата 1957, стр. 25). Двухязычные тюркско-русские словари отмечают также следующие формы этого слова: тувинское *эмдик*, хакасское *ймнĭк*, алтайское *эмтик*, ногайское *эмлик*, киргизское *эмдик*, якутское *ймнĭк*. При этом в якутском и киргизском языках соответствующие слова получили более широкое значение: якутское *ймнĭк* в значении 'дикий' может прилагаться

¹ Е. И. Коведяева, Лугово-восточный марийский язык. — Языки народов СССР III, Москва 1966, стр. 239.

² Y. Wichmann, Tscheremissische texte mit wörterverzeichnis und grammatischem abriß, Helsingfors 1924, стр. 51; G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch, Helsinki 1935, стр. 120, 121; он приводит также калмыцкие формы *elməg*, *emnəg* 'wild ungebändigt (von Pferden)' и сопоставляет их с марГ *ймнĭ* и алтайским *ймдĭк*, считая марийское слово тюркским заимствованием без дальнейших уточнений.

³ F. D. Lessing, Mongolian-English Dictionary, Berkeley and Los Angeles 1960.

⁴ G. J. Ramstedt, Kalmückisches Wörterbuch.

и к лесу, а киргизское *эмдик* 'вспыльчивый, несдержанный, горячий' применимо также к человеку.

В некоторых тюркских языках также представлено название сосунков, считающееся омонимичным рассмотренным словам: якутское *а́мник*, *а́мнйик* 'отпущенный с маткой детеныш, свободно сосущий ее; опоек'; киргизское *кысыр* или *кысыр эмди* 'теленок или жеребенок, сосущие мать после положенного им срока (когда мать остается ягловой)' (К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, Москва 1965); чагатайское *а́млүк* 'сосун; набитая телячья шкура, которую ставят под корову, чтобы она дала себя доить' (Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий I, Санкт-Петербург 1865, стр. 210; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий I, стлб. 963); азербайджанское *эмлик* 'кормленный молоком, молочный ягненок (теленок)'; ср. названия молодых ягнят и козлят в турецких диалектах: *emlik*, *emilik*, *emnik*.⁵

Этимология названий сосунков ясна: все они являются прозрачными образованиями с помощью суффикса *-лик* от корня *а́м-* 'сосать'. В области коневодства *а́м-лик* стало употребляться как наименование молодой лошади, которая еще не была обучена, а потому дика и необузданна. Последнее значение постепенно вышло на передний план во многих тюркских, а также монгольских языках, где слово, кажется, должно считаться тюркизмом.

В марийский язык *имне* попало не из монгольских языков, которые сами заимствовали его из тюркских, а от таких тюрков, в языке которых происходит регулярная утрата заднеязычного согласного. Этот язык должен был иметь контакт с марийским языком и передать ему свое наименование лошади. Таким языком мог быть древнечувашский — язык волжско-камских булгаров⁶, в котором слову *эмлик*, *эмник* других тюркских языков должна была соответствовать форма **имнё*, где ассимилятивное изменение срединного *-мл-* > *-мн-* объясняется ранней деэтимологизацией слова и его возможным экспрессивным характером в связи со значением. В современном чувашском языке старое специализированное название молодой лошади, став неактуальным, не сохранилось, но оно осталось в марийском языке, превратившись на новой почве в обозначение лошади вообще и утратив свой возможный экспрессивный характер.

Следовательно, мар. *имне* — одно из старых чувашских заимствований, которое до сих пор не привлекало к себе внимания исследователей и не упомянуто ни в обстоятельном труде М. А. Рясянена, ни в работе М. Р. Федотова.⁷

I. G. DOBRODOMOV (Moscow)

TOWARDS THE ETYMOLOGY OF THE CHEREMIS WORD FOR THE HORSE

In the article the author proves that the Cheremis word denoting a horse *имне* is an old Bolgar-Chuvash word, which was not preserved in the Chuvash language, but was restored on the basis of Turkic, Mongol and Cheremis lexical material.

⁵ Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi, Cilt 2, İstanbul 1940, стр. 530—531.

⁶ См. специально об исчезновении конечного заднеязычного в чувашском языке и заимствованиях из него в марийском: М. Räsänen, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920, стр. 25—26.

⁷ Там же; М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I, Чебоксары 1965. В недавно вышедшем труде (М. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türkisprachen, Helsinki 1969, стр. 43) М. Рясянен вслед за О. Прицак принимает для марийского слова древнечувашскую (булгарскую) этимологию.